

Таким предстает перед нами труд Пиганиоля. Он имеет существенные недостатки. Однако, насколько это возможно в кратком пособии, автор учитывал различные стороны истории Рима, к каждому периоду истории даны библиографические указатели литературы и ссылки на источники. В качестве справочника книга Пиганиоля может быть использована всяким, кто интересуется современным уровнем буржуазной науки.

*Проф. А. Мишулин*  
*Проф. Н. Машкин*

**«ИЗВЕСТИЯ НА БЪЛГАРСКИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИ ИНСТИТУТ», т. XV (1946), стр. 1—290, София (обзор античных материалов).**

Рассматриваемый нами номер журнала был подготовлен болгарскими археологами еще в годы войны, наполовину сгорел в марте 1944 г. и лишь в 1945 г. дополнен. Содержание его составляют статьи, посвященные античной и древнеболгарской археологии и истории.

Д. Крънджалов в статье «Характерна ли е бермата за «прабългарските» валове» (стр. 37—51) ставит задачей опровергнуть принятое многими болгарскими учеными положение К. Шкорпила о праболгарском происхождении всех валов на территории Болгарии. Выдвинутая в 1905 г. эта теория не была еще никем пересмотрена. Сам Д. Крънджалов является автором нескольких работ, посвященных изучению валов в восточной половине Балканского полуострова (см. его книгу «Валовете в Добруджа и Бесарабия и прабългарската теория», София, 1943). В реферируемой статье он рассматривает прежде всего топографию валов, указывая, что лишь с юга территория болгарской державы была укреплена валами. Это противоречит положению Шкорпила, считавшего, что древняя Болгария была защищена валами на всех границах. Отбрасывая литературные доводы праболгарской теории происхождения валов, которым уже посвящена его специальная работа («Арабският писател Аль-Масуди от X век и неговите сведения за борджаните», ГНМ, VII), автор уделяет особое внимание техническим доводам К. Шкорпила. Согласно Шкорпилу, берма<sup>1</sup>, характерная для праболгарских земляных сооружений, является единственным признаком, позволяющим выделять последние. Несостоятельность этого положения автор аргументирует примерами строительства крепостей на Руси и в Византии. Для истории античного военного дела особенно важны его наблюдения относительно применения бермы в римской фортификации. Берма, как отмечает Крънджалов—это обычный технический прием, употреблявшийся в римских укреплениях; особенно часто ее оставляли перед каменными стенами и, как исключение, перед пограничными валами. Им указывается наличие бермы у нескольких римских крепостей: крепость при Шумне, укрепление Хисарлък, Абтаатското кале, земляное укрепление между Силистрией и Тутраканом, небольшое укрепление у Перлекьой, крепость у с. Сираково и др.

Таким образом, берму нужно рассматривать не как украшение, вызванное эстетическими наклонностями какого-либо народа, но как известный технический прием. Автор приводит и статистические доказательства: из 1222 км общей протяженности валов в болгарских и соседних землях берма сопутствует валам лишь на протяжении 75 км.

Задачу, поставленную автором, бесспорно, следует считать разрешенной.

Т. Герасимову принадлежит работа «Антични монети с контрамарки от Долна Мизия и Тракия» (стр. 51—81). Исследователь избрал чрезвычайно интересный вопрос о перечеканке монет в восточной части Балканского полуострова в эллинистическую

<sup>1</sup> Берма—небольшая полоса различной ширины, тянущаяся между ровом и насыпью (стеной), предохраняющая насыпь от оседания в ров.

эпоху, что дает большой материал для освещения экономической и политической истории черноморского и эгейского побережий Фракии. Он привлекает монеты из известного клада Айтооска бани (*Aquaе calidae*), а также некоторые монеты римского времени. Останемся на материале, который дает работа Герасимова.

В Истрии были перечеканены медные монеты Лисимаха, города Том и самой Истрии. В Томах—медь Лисимаха, Аполлонии, Каллатии, Лисимахии, Абдеры, Истрии, фракийских царей АΔΑΙΟΥ и Керсobleпта, скифских царей Хараспа, Канита и Танусы и самого города Том. В Каллатии—драхмы и тетрадрахмы Александра, Селевка и Лисимаха, медь Истрии и Дионисополя. В Одессе—медные монеты Филиппа II, Александра, Лисимаха и собственные монеты. В Месембрии было перечеканено мало монет—медь городов Том и Месембрии на Эгейском побережье. В Аполлонии—медь Лисимаха, фракийского царя Риметалка I, самой Аполлонии, а также варварские имитации фасосской тетрадрахмы. Из внутренних городов только город Кабила перебивал медную монету Аполлонии, Антиоха I и свою собственную.

Особенно интересен тот факт, что такие центры, как Фасос, Абдера, Маронея-Сест и Лисимахия, перечеканивали только свою собственную монету. Кардия контрамаркировала медь обеих Месембрий, Том и фракийского царя Риметалка I. Город Визант—медь Лисимаха и свою собственную. Перинф—медь союзных городов Византии и Калхедона. Перечеканка монет в Византии носила массовый характер. С его клеймами известны: серебро Александра, Лисимаха, Антиоха I, Птолемея I Сотера, медь Лисимахии и самого Византия. В Абидосе перечеканивали медь Аполлонии Понтийской.

Среди контрамаркированных монет имеются такие, штемпель контрамаркации которых еще не локализован. Это штемпеля с бюстом Артемиды, головой женщины вправо, амфорой, треножником, *quadratum incisum* и изображением перуна, сопровождаемым легендой ΤΕΤΡΑ (вероятно, обозначение общины).

В римское время, как указывает автор, монеты императоров перечеканивались в городах Тонзос, Тома, Перинф, Никополь на Росипе и Цела.

В отличие от Head<sup>2</sup> а, полагавшего, что перечеканка монет была вызвана экономическими затруднениями городов, восполнявших таким образом недостаток собственной монеты, Т. Герасимов считает, что причиной перечеканки была необходимость установить реальное достоинство старой истертой монеты, как своей, так и чужой.

Автор делает важные выводы о наличии оживленной торговли между городами побережий Фракии в III—I вв. до н. э. Болгарский ученый правильно указывает на активную роль прибрежных греческих городов в торговле. Особенно важное место принадлежит Каллатии и Византию, которые перечеканивали и серебро.

Однако нельзя согласиться с выводом автора, утверждающего отсутствие прямых торговых связей фракийских городов с главнейшими центрами Греции, Эгейских островов и М. Азии. С этим связано положение Герасимова, что торговля городов фракийского берега имела локальный характер и не охватывала отдаленные рынки, так как среди монет, перечеканивавшихся во Фракии, отсутствуют монеты важнейших греческих городов. Это утверждение противоречит установившемуся в науке мнению о наличии тесных торговых связей фракийского побережья со многими центрами Средиземного моря<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> О торговле северо- и западнопонтийских городов в эпоху эллинизма с крупнейшими торговыми центрами Эгейского моря см. работы Ростовцева: «Эллинизм и иранство на юге России», «The Social and Economic History of the Hellenistic World»; работы Жебелева: «Боспорские этюды» в «Изв. ГАИМК», 104, стр. 7 сл.; «Экономическое развитие Боспорского государства» в ИАН, 1934, № 8, стр. 591—607 и № 9, стр. 661—679. Эллинистическая торговля западнопонтийских городов прекрасно освещена в статье Хр. М. Данова «Из древната икономическа история на западното Черноморие до установяването на римското владичество», ИАИН XII, София, 1939, стр. 185—259.

Отсутствие перчеканки монет Афин, Родоса и других в городах фракийского побережья было бы правильное объяснить по аналогии с известным ольвийским декретом о хождении иностранной монеты в городе (IOSPE, I<sup>2</sup>, № 24). Этот декрет, датируемый Латышевым и Диттенбсгером началом IV в. до н. э., запрещает обращение какой-либо чеканенной монеты в городе, кроме собственной ольвийской, медной и серебряной, а также кизикских золотых статовров. Возможно, что подобное финансовое законодательство существовало и в остальных греческих городах Понта и северной Эгеиды. В таком случае контрамаркация могла служить средством легализации ходившей в городе мелкой чужеземной монеты, которая принадлежала более или менее близким государствам. Из дальних центров привозились лишь монеты крупного достоинства. Исключение, сделанное в ольвийском декрете для кизикского золота, могло существовать и во фракийских городах для монет крупных городов и государств, чеканивших полноценное серебро и золото. Их монета перчеканке не подлежала.

D. D e t s c h e w, Ein neues Militärdiplom aus Germania inferior (Д. Д е ч е в, Една новооткрита военна диплома, стр. 86—93).

Автор публикует военный диплом времени императора Домициана, найденный летом 1944 г. в районе Разграда. Начертанный на медной табличке текст сохранился без начала и с некоторыми лакунами в середине.

На основании сравнения его с другими военными дипломами (CIL, XVI, № 20, 23, 26, 28 и др.) Дечев предлагает более или менее полное чтение текста. Диплом был выдан в начале февраля 82 г. солдату фракийского происхождения Дурису, сыну Бифа, вернувшемуся по окончании службы на родину. Дурис был пехотинцем IV фракийской когорты. Диплом заключает выписку из указа императора Домициана о даровании гражданства выслужившим срок пехотинцам и всадникам ряда когорт, в том числе и IV фракийской, находившимся в Германии. Таким образом, текст диплома сообщает новые данные о дислокации частей римской армии. Документ датирован консульством Aulus Didius Gallus Fabricius Veiento и L. Lamia Plautius Acmitianus, в силу чего мы узнаем о существовании новых *consules suffecti* 82 г. Кроме того, из диплома явствует, что император Домициан был избран консулом в 9-й раз в период от 1 февраля до 20 сентября 82 г. Диплом интересен еще и тем, что он дает указание о месте установки стел с императорскими указами в 82 г.—они стояли *in Capitolio post Ligures*. Вероятно, это место было названо от лигурийских трофеев консулов 233 и 181 гг. до н. э.

Работа Дечева привлекает читателя не только новизной публикуемого им документа, но и блестящим знанием предмета. Это дает ему возможность извлечь все данные, какие только может представить военный диплом. Не можем не заметить, что славянским ученым было бы приятнее прочесть эту статью на болгарском языке, а не на немецком, на котором она напечатана.

Георгий Алянов в работе «Стари пътища и селища край тях през Странджа и Сакар» (стр. 94—113) разбирает вопрос о торговых путях в восточной Фракии в средневековую эпоху. На стр. 106—109 он касается тех дорог, по которым мог следовать Дарий, и пытается определить место остансовки Дария у горячих источников (Геродот, IV, 90). По мнению автора, река Теар, упоминаемая древним историком, может быть только рекой Бюдере. Однако эти соображения нуждаются в более твердых доказательствах, чем внешнее сходство рек.

В реферируемом томе, согласно установившейся в Болгарии прекрасной традиции, публикуются новые находки в разделе «Археологические вести». Г. И. Кацаров, «Обредът поднасяне на чаша» (стр. 166—167), излагает часть работы венгерского ученого Alföldi «Antike Darstellungen zur Kenntnis der Kultur der eurasischen Reiterhirlen», в которой исследуется обряд поднесения чаши. Кацаров приводит примеры существования обряда поднесения чаши у неонцев и древних македонцев.

Никола Мавродинов в лекции по радио сообщает о раскопках летом 1945 г. в Болгарии, в том числе и в Никополе на Истре (стр. 171). Продолжая прежние раскопки, болгарские археологи расчистили две больших залы, мостовую улицы,

трубы 2 водопроводов, а также часть ранее открытого амфитеатра. Найдена статуя без головы.

Петър Детеv («От Burdenis до Argus», стр. 172—176) описывает часть римской дороги между Константинополем и Белградом на участке от Свиленграда (Burdenis) до развалин городища Argus (к югу от села Калугерово). Автор подробно характеризует следы древней дороги и городищ поблизости.

Т. Герасимов (Разкопки на могили при с. Свети Кирилово, стр. 180—184) сообщает о разкопках 1941 г. близ села Свети Кирилово. Могильник, состоящий из 4 близко расположенных погребений, относится к римской эпохе. Наиболее интересный факт — в кургане № 2 в основном погребении были найдены орехи, обгорелые и целые. Как отмечает автор, ему еще неизвестны случаи принесения орехов в дар усопшему. Заметим, что орехи известны в погребальных инвентарях Боспора («Материалы и исследования по археологии СССР», IV, 71, а также ИАК, 47, 52, погребение 28). Тот же автор (стр. 184—185) публикует недавно приобретенную гемму с изображением Септимия Севера, Каракаллы и Геты. Геммы с портретами римских императоров и членов их семей очень редки, их известно до сих пор было лишь 4 экземпляра. На стр. 185—186 он публикует 3 фрагмента мраморной статуи Геракла, найденные в Софии (античная Сердика). Техника выполнения статуи позволяет отнести ее ко II в. н. э. Там же была найдена золотая пластинка с изображением «фракийского всадника», датируемая IV в. до н. э.

М. Мирчев (стр. 187—189) сообщает об открытии в поле под древним Марцианополем каменных гробницы и саркофага, содержащих только скелеты, без вещей, и публикует найденные в той же местности предметы: 2 плиты с изображением «фракийского всадника», фрагмент рельефа, относящегося к культу Диописа, обломок вотивного рельефа и две женских головы: мраморную и из известняка.

В заметке «Едно старо тракийско селище» (стр. 189—192) он издает предметы из с. Кипра (окрестности Марцианополя), относящиеся, по видимому, к древнему фракийскому поселению. Это выдолбленные в скале гобы почти эллипсовидной формы, местная керамика из них, а также 4 мраморных рельефа «фракийского всадника» местной работы.

С. Стефанов («Антични паметници от Свищовско», стр. 192—194), описывает вещи, поступившие в Свищовский музей: стелу из известняка с изображением Геракла, мраморный торс женщины, изящный мраморный подсвечник, фрагменты рельефов с изображением атлетов и двух животных, голову юноши тонкой работы из мрамора, глиняную и оловянную вазочки, оловянную статую Фортуны, оловянную пластинку с изображением рыбы, бронзовые фигурки Геракла, грифона и льва.

Ив. Венедиктов («Тракийска гробница при с. Ветрен, Пазарджишко», стр. 194—196) помещает описание склепа, сложенного из известняковых плит насухо. Погребение было ограблено еще в древности, но в тонком слое земли на полу погребальной камеры были найдены обломки золотых и позолоченных украшений покойника. Автор датирует склеп концом V — началом IV вв. до н. э.

Хр. Д. Пеев на стр. 196—197 публикует свою реконструкцию римского саркофага из Пловдива, найденного в 1932 г. разбитым на несколько частей. Как отмечает автор, саркофаг имеет традиционную форму римских каменных гробниц II—III вв. н. э.

Д. Цончев («Новосткрити старини от Пловдивско», стр. 209—219) издает погребения, составляющие некрополь «Sub Radice» первой станции на римском пути из Филиппополя в Дакию. Среди описанных им предметов интересны: каменный саркофаг из дер. Надеждино (погребение разграблено), план новых помещений, открытых недавно в римских банях в Хисаре, а также описание гробниц, найденных в Пловдиве при рытье водопровода. Из них заслуживает упоминания гробница, расписанная изображениями животных и растений. Там же были обнаружены в нескольких местах: следы базилики позднеимперского времени, зданий, назначение которых не выяснено, остатки римского водопровода и канализационных труб.

И. Моллов публикует глиняный светильник из Мадара в виде головы Силена (стр. 227—228).

Ив. Велков и Ив. Венедиктов в разделе «Кратки вести от разни места» (стр. 228—235) издают различные античные предметы, найденные в Болгарии.

Т. Д. Герасимов («Коллективни находки на монети през последните години», стр. 235—244) описывает монеты, найденные в Болгарии в 1941—1945 гг.

Т. В. Блаватская (Бороздина)

V. GORDON CHILDE, *Man makes himself*, London, Watts & Co., 1936, XII+275 стр.; *What happened in history*, London, Watts & Co., 1942, 256 стр.; *Progress and archaeology*, London, Watts & Co., 1944, 119 стр.

За последние годы в зарубежной, западноевропейской и американской, археологической науке заметно большое оживление. Перед второй мировой войной во всех странах, в том числе и в таких небольших, как Швеция, организуются крупные археологические экспедиции, располагающие значительными средствами и производящие чуть ли не повсюду в Старом и Новом свете раскопки, зачастую открывающие для истории новые страницы, иной раз неведомые ей ранее культуры. Техника раскопок, изучения и публикации добытого материала непрерывно совершенствовалась. Обилие материала вызвало естественное стремление разобраться в достигнутом, перейти к обобщению и синтезу. В последние годы у некоторых представителей зарубежной археологической науки заметны попытки преодолеть буржуазную ограниченность и формализм в обобщающих построениях, подойти ближе к познанию объективных закономерностей исторического процесса. В этом сказывается влияние передовой советской археологической науки. Пожалуй, самым интересным выразителем такой тенденции в зарубежной археологии в настоящее время является профессор Эдинбургского университета В. Гордон Чайлд.

Он родился в 1892 г. в Сиднее, в Австралии. Высшее образование получил в университетах Сиднея и Оксфорда. Менее всего кабинетный ученый, проф. Чайлд изучал музеи и археологические стоянки не только Англии, но и Центральной Европы, балканских стран, греческих островов, Египта, Турции, Индии и СССР. Он не раз руководил раскопками в Шотландии и Северной Ирландии, но особенно знамениты его раскопки прекрасно сохранившейся неолитической деревни Skara Brae в Оркнее, которая привлекает ежегодно тысячи туристов. Неоднократно показав мастерство самого детального археологического анализа, Чайлд на протяжении всей своей ученой карьеры стремится к осмыслению и обобщению собранного им огромного материала. Его основные труды—прежде всего опыты широкого исторического синтеза. Такими, кроме трех выписанных выше, являются: 1) «The Dawn of European civilization», 2 ed., London, 1939; 2) «The Danube in prehistory», Oxford, 1929; 3) «The prehistory of Scotland», London, 1936; 4) «The Most Ancient East», London, 1939; 5) «The Bronze Age Cambridge, 1930; 6) «Prehistoric communities of the British Isles», London, 1942.

Чайлд выступает в своих работах как материалист, хотя и не идет далее экономического материализма. Он отнюдь не марксист, но внимательно изучает советскую археологическую литературу. Он изучил русский язык настолько, что в состоянии читать русские и украинские научные публикации. В нем мы имеем друга советской науки, часто осведомляющего зарубежный научный мир о нашей археологической работе<sup>1</sup>

<sup>1</sup> После того как настоящая рецензия была сдана в печать, в журнале «Man», febr. 1947, vol. 47, стр. 31—32 появился отзыв С. Пиготта на новую работу В. Г. Чайлда «Scotland before the Scots», London, 1946, VII+144. В предисловии к своему труду В. Г. Чайлд подчеркивает свое намерение «истолковать шотландский материал на основе установок советских археологов, применение которыми марксизма к доистории дало работы, которые кажутся более историческими, чем те, авторов которых можно назвать «буржуазными» доисториками». Эта установка В. Г. Чайлда вызвала суровое порицание со стороны Пиготта.